

Глава 1

*Гэмпшир, Англия
Август 1852 года*

Всякий, кто прочитал хотя бы один роман, знает, что гувернантки — кроткие, забытые создания. Они тихи, покорны и рабски угодливы. Само собой, хозяин дома вправе ожидать от них почтительности. Лео, лорд Рамзи, никак не мог взять в толк, почему судьба послала ему вовсе не такую гувернантку. Семейство Хатауэев наняло Кэтрин Маркс, которая, по мнению Лео, только позорилась своим ремеслом.

Не то чтобы Лео придирался к мисс Маркс или сомневался в ее способностях. Она отлично обучила двух его младших сестер, Поппи и Беатрикс, всем тонкостям светского этикета. А девушки нуждались в наставнице, ведь Хатауэи не подозревали, что им придется вращаться в высших кругах британского общества. Дети воспитывались в строгих традициях среднего класса в деревне к западу от Лондона. Их отец, Эдвард Хатауэй, ученый-историк, специалист по Средневековью, считался человеком благородного происхождения, но отнюдь не аристократом.

Однако после целой череды самых невероятных событий Лео унаследовал титул лорда Рамзи. Он готовился стать архитектором, а превратился в виконта с землями и арендаторами. Хатауэи переехали в поместье Рамзи

6 в Гэмпшире, где им пришлось изрядно потрудиться, чтобы соответствовать требованиям новой жизни.

Самое ужасное, что выпало на долю сестер Хатауэй, — изучение бесчисленных нелепых правил и предписаний, которыми должны руководствоваться юные леди из высшего общества. Если бы не терпеливые наставления Кэтрин Маркс, сестрички метались бы по Лондону с грацией перепуганных насмерть слонов. Мисс Маркс совершила с девушками настоящее чудо, особенно с Беатрикс, самой большой чудачкой из всего в высшей степени странного семейства Хатауэев. Хотя Беатрикс обожала резвиться на лужайках и бродить по лесам, словно дикарка, мисс Маркс умудрилась убедить ее, что в бальных залах ведут себя иначе. Она даже сочинила для своих воспитанниц целый цикл стихотворений — свод правил этикета, в том числе и этот литературный шедевр:

Юным леди сдержанность пристала,
В беседах с незнакомцами — особо.
Флирт, ругань, жалобы и свары
Погубят репутацию в два счета.

Разумеется, Лео не раз язвительно прохаживался насчет поэтического дара мисс Маркс, но в душе признавал, что ее методы себя оправдывают. Поппи и Беатрикс успешно приняли участие в лондонском сезоне. Вдобавок Поппи недавно вышла замуж за респектабельного владельца отеля по имени Гарри Ратледж.

На попечении гувернантки осталась одна Беатрикс. Мисс Маркс охотно взяла на себя роль дуэньи и компаньонки энергичной девятнадцатилетней девушки. Теперь в семействе Хатауэев Кэтрин Маркс считалась едва ли не членом семьи. Что же до Лео, то он не выно-

сил эту женщину. Она пространно излагала свое мнение по любому поводу и осмеливалась делать ему замечания. В тех редких случаях, когда Лео пытался держаться дружелюбно, мисс Маркс сердито огрызалась или с презрением отворачивалась. А стоило Лео высказать какое-нибудь здравое суждение, эта несносная особа тотчас перебивала его, принимаясь нудно перечислять, в чем он ошибается.

Постоянно сталкиваясь с враждебностью гувернантки, Лео невольно стал отвечать ей тем же. Весь минувший год он пытался убедить себя, что презрение Кэтрин Маркс ничего для него не значит. В Лондоне немало женщин куда более красивых, обворожительных и привлекательных.

Если бы только мисс Маркс не занимала все его мысли.

Возможно, виной тому были секреты, которые она так ревностно оберегала. Кэтрин никогда не рассказывала ни о своем детстве, ни о семье, как и о том, что заставило ее пойти в гувернантки. Какое-то время, весьма недолго, она преподавала в школе для девочек. Впрочем, мисс Маркс отказывалась обсуждать свою учительскую карьеру, как и причины, побудившие ее оставить пансион. Среди ее бывших учениц ходили слухи, что мисс Маркс — бедная родственница директрисы пансиона. Поговаривали также, что она падшая женщина, потерявшая положение в обществе и вынужденная пойти в услужение.

Глядя на эту независимую, упорную и настойчивую особу, легко было забыть, что она довольно молода, ей лишь немногим больше двадцати. Когда Лео впервые увидел Кэтрин, она походила на типичную засушенную старую деву: в очках, с угрюмо нахмуренными бровями и сурово сжатым ртом, с негнушейся спиной, прямой как кочерга, и гладко прилизанными волосами, тускло-

8   коричневыми, словно крылья фруктовой мушки.
      Лео прозвал ее Смертью с косой, несмотря на бурные протесты семьи.

Но за минувший год в Кэтрин произошла поразительная перемена. Ее тощее как спичка тело заметно округлилось, сохранив изящество и стройность, а бледные щеки налились румянцем. Приехав в Лондон полторы недели назад, Лео с изумлением увидел мисс Маркс со светло-золотистыми локонами. Она не один год красила волосы, но после ошибки аптекаря была вынуждена отбросить притворство. И если темные пряди огрубляли ее лицо с тонкими чертами и белой кожей, придавая ему излишне суровый, строгий вид, природные белокурые кудри шли ей необычайно.

Лео пришлось смириться с неприятным фактом, что Кэтрин Маркс, его смертельный враг, — настоящая красавица. Но на самом деле вовсе не цвет волос так изменил ее облик... просто без привычных ухищрений мисс Маркс испытывала неловкость. Она чувствовала себя уязвимой, и это бросалось в глаза. Ничего удивительного, что в конечном счете Лео захотелось сорвать с нее покров таинственности. Он жаждал разгадать эту загадку.

Обдумывая возможные последствия своего открытия, Лео пытался держаться на безопасном расстоянии от Кэтрин. Его обескураживало отношение к мисс Маркс его семьи, дружно пожимавшей плечами всякий раз, когда речь заходила о странностях гувернантки. Почему он один сгорал от любопытства, тогда как остальные проявляли полнейшее безразличие? Отчего мисс Маркс нарочно так долго притворялась дурнушкой? Что она скрывает, черт возьми? От кого прячется?

Однажды солнечным днем, убедившись, что остальные члены семьи заняты своими делами, Лео отправился на поиски мисс Маркс. Он рассудил, что, столкнувшись

с ней лицом к лицу без посторонних глаз, сумеет получить ответы на кое-какие вопросы. Он нашел ее в обнесенном изгородью саду, полном цветов. Мисс Маркс устроилась на скамье возле посыпанной гравием дорожки. Она была не одна.

Остановившись в двадцати ярдах от скамьи, Лео спрятался в тени высокого тиса с густой листвой.

Кэтрин сидела рядом с Гарри Ратледжем, новоиспеченным мужем Поппи. Похоже, парочка вела доверительный разговор.

И хотя в их действиях не было ничего преступного, сцена выглядела совершенно неподобающе.

О чем, во имя всего святого, они могли беседовать? Наблюдая за парой из отдаленного укрытия, Лео убедился: мисс Маркс с Ратледжем обсуждали что-то важное. Темноволосая голова Ратледжа покровительственно склонилась к белокурой головке Кэтрин. Словно эти двое были близкими друзьями.

Или любовниками.

У потрясенного Лео отвисла челюсть, когда Кэтрин потеряла тонкими пальцами глаза под очками, словно смахивая слезы.

Мисс Маркс плакала на плече у Гарри Ратледжа!

А затем Ратледж поцеловал ее в лоб.

У Лео перехватило дыхание. Сохраняя неподвижность, он попробовал привести в порядок разбегающиеся мысли и укротить бушевавшую в нем бурю чувств... изумление, тревогу, подозрение, ярость.

Эти двое что-то скрывали. Они что-то замыслили.

Возможно, мисс Маркс была прежде любовницей Ратледжа? Может, он ее шантажирует? Или это она пытается вымогать у Гарри деньги? Нет... даже на расстоянии было заметно, что мисс Маркс с Ратледжем смотрят друг на друга с нежностью.

10 Лео растерянно потер подбородок, раздумывая, что делать. Одно он знал совершенно точно: важнее всего счастье Поппи. Прежде чем превратить мужа сестры в кровавое месиво, он должен выяснить, что происходит. А уж потом, если его подозрения подтвердятся, сделать из Ратледжа бифштекс.

Стараясь выровнять дыхание, Лео наблюдал за парочкой.

Ратледж поднялся и вернулся в дом, мисс Маркс осталась сидеть на скамье.

Поддавшись безотчетному порыву, Лео незаметно подкрался к ней. Он не успел обдумать, как вести себя и что говорить. Это зависело от того, какое чувство взывает в нем, когда он настигнет свою жертву. Лео всецело положился на волю случая. Возможно, он вцепится мисс Маркс в горло и задушит. А может быть, повалит на согретую солнцем траву и силой овладеет ею. Незнакомое неприятное чувство клокотало в нем. Была ли то ревность? О господи, да. Он ревновал эту тощую сварливую мегеру, цеплявшуюся к нему при любой возможности и изводившую его бесконечными придирадками.

Может, это какая-то новая форма извращения? С каких пор Лео стал любителем старых дев?

Должно быть, все дело в ее скрытности, в сдержанности, которую Лео находил весьма эротичной. Его всегда мучил вопрос: как разрушить броню, которой окружила себя эта надменная особа? Кэтрин Маркс, жестокая злодейка, его заклятый враг... обнаженная, стонет под тяжестью его тела. Кажется, он в жизни не желал ничего сильнее. Что ж, это было не лишено смысла. Женщина, охваченная желанием, готовая пасть в объятия мужчины, — слишком легкая добыча. А затащить мисс Маркс в постель и помучить ее, затягивая игру, пока она не станет визжать, моля о пощаде... это было бы по-настоящему весело.

Лео осторожно приблизился. При виде его Кэтрин напряженно застыла. Лицо ее страдальчески сморщилось, губы сурово сжались. Перед глазами Лео тотчас замелькали соблазнительные картины: вот он обхватывает ладонями лицо мисс Маркс и впивается жадным, хищным поцелуем в ее губы, она задыхается в его объятиях, тело ее слабеет, становится мягким и податливым...

Но он стоял, держа в карманах сжатые кулаки и бесстрастно разглядывая мисс Маркс.

— Не желаете ли объяснить, что здесь происходит? — произнес он низким, лишенным всякого выражения голосом.

Солнце блеснуло в стеклах очков мисс Маркс, скрыв на мгновение ее глаза.

— Вы шпионили за мной, милорд?

— Вот еще. Меня нисколько не интересует, чем занимаются старые девы в свое свободное время. Но когда мой зять целует в саду гувернантку, это трудно не заметить.

Мисс Маркс умела держать удар, надо отдать ей должное. Она и бровью не повела, лишь сжала руки на коленях. «Такому самообладанию можно только позавидовать», — невольно восхитился Лео.

— Один поцелуй, — невозмутимо заявила она. — В лоб.

— Не важно, сколько раз Ратледж целовал вас и куда. Потрудитесь объяснить мне, почему он это сделал. И как случилось, что вы ему позволили подобную вольность. Да попытайтесь придумать правдоподобное объяснение, поскольку я чертовски близок к тому, чтобы собственноручно вытащить вас на дорогу и затолкать в первую же повозку, едушую в Лондон.

— Отправляйтесь к дьяволу, — вполголоса пробормотала Кэтрин, вскакивая на ноги. Она не успела сде-

12 лать и двух шагов, как Лео настиг ее, обхватив за талию. — Не прикасайтесь ко мне! — вскричала девушка.

Лео повернул мисс Маркс к себе, не слушая ее гневных протестов. Его ладони сжали хрупкие плечи Кэтрин, обтянутые тонким муслином. Он ощутил сквозь ткань тепло ее кожи. Легкий невинный запах лавандовой воды коснулся его ноздрей. Взгляд его задержался на ее горле, слегка припудренном тальком. Исходивший от нее аромат напомнил Лео свежестеленную кровать с наглаженными простынями. О, как бы ему хотелось скользнуть в нее!

— У вас слишком много секретов, Маркс. Вот уже больше года вы с вашим острым язычком и загадочным прошлым для меня как бельмо на глазу. Довольно, я требую ответа. О чем вы говорили с Гарри Ратледжем?

Тонкие брови Кэтрин, куда более темного оттенка, чем ее волосы, сердито нахмурились.

— Почему бы вам не спросить его?

— Я спрашиваю вас. — Наткнувшись на упрямое молчание мисс Маркс, Лео решил прибегнуть к хитрости: — Будь вы женщиной другого сорта, я заподозрил бы, что вы пытаетесь оплести Гарри своими чарами. Но мы с вами оба знаем, что в вас нет ни капли соблазна, не так ли?

— Если бы мне и вздумалось кого-то обольстить, то уж точно не вас!

— Будет вам, Маркс, попробуем хоть раз побеседовать мирно и спокойно.

— Ну нет, сначала уберите от меня свои руки.

— Чтобы вы тотчас сбежали? Нынче слишком жарко, мне вовсе не хочется гоняться за вами по саду.

Мгновенно ощетинившись, Кэтрин попыталась оттолкнуть Лео. Гневно закусив губу, она уперлась ладонями ему в грудь. Лео обвел взглядом ее тело, сжа-

тое корсетом, стянутое шнуровкой, окутанное бесчисленными ярдами муслина. При мысли о том, что скрывается под ее платьем — бело-розовая кожа, нежные округлости, золотистый пушок... — лорд Рамзи ощутил острый прилив желания. По телу Кэтрин пробежала дрожь, словно девушка прочитала его мысли. Лео внимательно взгляделся в ее лицо. Голос его смягчился.

— Вы боитесь меня, Маркс? Вы? Женщина, которая никогда не упускает случая меня осадить, поставить на место, сразить дубиной или вонзить мне в грудь отравленный кинжал?

— Разумеется, нет. Вы просто заносчивый осел. Я лишь хочу, чтобы вы вели себя как подобает человеку в вашем положении.

— Вы хотите сказать, как приличествует пэру? — Лео насмешливо вскинул брови. — Вот как ведут себя пэры. Странно, что вы только сейчас заметили.

— О, я и раньше замечала. Если кому-то посчастливилось унаследовать титул, он должен нести его достойно, пытаясь соответствовать своему высокому положению. Быть пэром — нелегкая обязанность. На вас лежит огромная ответственность, а вы, похоже, считаете, что титул дает вам право пускаться во все тяжкие и потворствовать своим отвратительным капризам. Более того...

— Маркс... — перебил девушку Лео. Его бархатный голос звучал вкрадчиво. — Я оценил вашу великолепную попытку увести наш разговор в сторону. Но вам не удастся меня обмануть. Я не выпущу вас, пока вы не скажете мне то, что я желаю знать.

Кэтрин с усилием слотнула подступивший к горлу ком, пытаясь не смотреть на Лео, что было довольно затруднительно, поскольку тот стоял прямо перед ней.

— Сцена, которой вы стали свидетелем... Я разговаривала с мистером Ратледжем наедине...

14 — Да?

— Потому что... Гарри Ратледж — мой брат.

Склонив голову, Лео неподвижно уставился на Кэтрин, пытаясь осмыслить услышанное. Он чувствовал себя последним простофилей, обманутым, вероломно преданным. В душе его клокотала ярость. Дьявольщина! Оказывается, мисс Маркс и Гарри Ратледж — брат и сестра!

— Но это какая-то бессмыслица! Не вижу причин, почему вам понадобилось хранить в тайне свое родство.

— Все слишком запутано.

— Отчего ни один из вас прежде не упоминал, что вы брат и сестра?

— Вам незачем это знать.

— А вам следовало открыть мне правду, прежде чем Ратледж женился на Поппи. Вы обязаны были поставить меня в известность.

— Это еще почему?

— А как же порядочность, черт возьми? Может, вам еще что-то известно о моей семье? Какие еще секреты вы скрываете?

— Это вас не касается, — огрызнулась Кэтрин, пытаясь высвободиться. — Пустите меня!

— Нет, сначала я выясню, что вы замышляете. Кэтрин Маркс — ваше настоящее имя? Кто вы такая, черт побери? — Лео негромко выругался, когда девушка с силой рванулась из его рук. — Стойте смирно, маленькая дьяволица. Я хочу лишь... Ой! — вскрикнул лорд Рамзи: Кэтрин повернулась и острым локтем ткнула его в бок.

Этот маневр позволил мисс Маркс выскользнуть, но ее очки упали в траву.

— Мои очки! — С тяжелым вздохом девушка опустилась на корточки и принялась обшаривать землю в поисках очков.

Гнев Лео тотчас улетучился. Его охватило чувство вины. Похоже, без очков мисс Маркс была слепа как крот. При виде ползающей на коленях Кэтрин он почувствовал себя грубым животным, упрямым ослом. Опустившись на четвереньки, Лео тоже включился в поиски.

— Вы не заметили, куда они упали? — робко спросил он.

— Если бы могла заметить, — яростно прошипела мисс Маркс, — то не нуждалась бы в очках, верно?

Наступило короткое молчание.

— Я помогу вам найти очки.

— Как любезно с вашей стороны, — ядовито бросила Кэтрин.

Несколько минут непримиримые враги ползали по саду, пытаясь отыскать очки среди нарциссов.

— Так вам действительно нужны очки? — заговорил наконец Лео.

— Разумеется, — сварливо проворчала мисс Маркс. — С чего бы я стала носить очки, если бы могла без них обойтись?

— Я думал, что они, возможно, часть вашей маскировки.

— Моей маскировки?

— Да, Маркс, маскировки. Под этим словом обычно подразумевается набор средств, позволяющих человеку изменить внешность и остаться неузнанным. К маскировке часто прибегают преступники и шпионы. А теперь, видно, и гувернантки. Боже милостивый, ну хоть в чем-нибудь моя семья похожа на обычные семьи?

Мисс Маркс, беспомощно моргая, сердито покосилась на Лео. Взгляд ее казался затуманенным. Она походила на испуганного ребенка, у которого отняли любимое одеяльце. Лео с удивлением ощутил болезненный укол в сердце.